

Власть прошлаго ¹⁾.

(Окончаніе).

А Россія бунтовала со всѣхъ концовъ. На сѣверѣ — Кронштадтъ, на югѣ — Севастополь. Кавказъ тоже не отставалъ.

Вотъ и 17 октября. Высочайшій Манифестъ о конституціяхъ (и о свободахъ)! Боже, что дѣлалось въ Москвѣ. Русскій народъ, какъ и всегда, показалъ себя во всю.

Какъ проявлялась у него радость при чтеніи о дарованныхъ ему свободахъ? Разгулъ, своеволие, дерзость и нахальство. А дальше? Дальше репрессивныя мѣры свыше и полное нежеланіе разобраться въ этомъ хаосѣ. Наташа въ убѣжденіяхъ своихъ и мысляхъ не примыкала вполнѣ ни къ той, ни къ другой партіи. Ей казалось, что обѣ стороны были и безусловно правы въ своихъ требованіяхъ, и обѣ виноваты во многомъ, главное въ своихъ дѣяніяхъ. Требованіе Трепова, чтобы всѣ эти неурядицы, столкновенія съ полиціей, забастовки рѣшались военнымъ судомъ произвело удручающее впечатлѣніе. Спокойствіе страны уже было подорвано. Сначала глухо, а потомъ все громче и громче раздавались раскаты народнаго неудовольствія. Въ концѣ ноября въ воздухѣ уже чуялась гроза и наконецъ разразилась.

Наташа жила въ это время на Сущевской улицѣ съ племянницей и съ одной прислугой. Вечеромъ 5 декабря фабричный и простой народъ ходили кучками по улицамъ, били фонари и окна въ нижнихъ этажахъ, кричали, грозили, и къ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

10 часамъ вся Москва тонула въ мракѣ. На другой день рано утромъ знакомый лавочникъ принесъ на квартиру Наташи немного мяса и чернаго хлѣба, сказавъ, что лавки всѣ закрыты, торговать не будутъ, такъ какъ забастовщики запретили. И дѣйствительно всѣ лавки были наглухо заперты, поставлены баррикады и во всемъ городѣ началась какая-то особенная жизнь. Противъ дома, гдѣ жила Наташа, стоялъ домъ Курникова. Здѣсь была устроена одна изъ главныхъ квартиръ революціонеровъ, и вообще весь этотъ кварталъ сдѣлался ареной ихъ особенной дѣятельности. По утрамъ разносили печатныя воззванія отъ стачечнаго комитета, днемъ бросали бомбы, а по вечерамъ стрѣляли изъ оконъ и убивали городскихъ. Домъ, гдѣ жила Наташа, былъ предназначенъ къ бомбардированію. Въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, жить было не безопасно и Наташа со своими сожительницами ютилась въ небольшомъ темномъ коридорѣ. Любопытство брало иногда верхъ, и она въ окно смотрѣла, какъ въ ворота Курниковскаго дома вносили на носилкахъ раненыхъ „товарищей“, а впереди шла какая-нибудь дѣвица и держала палку, на которой болталась красная тряпка. Слышно было, какъ раздавалось пѣніе „Вы жертвой пали“ Почти двѣ недѣли такой жизни. Сидѣли безъ мяса, безъ хлѣба, въ темнотѣ. Наконецъ Дубасовъ началъ *успокаивать* Москву. Днемъ грохотали орудія, по ночамъ небо озарялось то тамъ, то сямъ заревами. Горѣли вокзалы, горѣла Прѣсни. Стѣна дома, гдѣ жила Наташа, была вся пробита пулями, да и ее чуть не убили, когда она какъ-то поздно вечеромъ, среди жуткой тишины вышла во дворъ подышать воздухомъ.

Телеграфъ, почта стали. Ни писемъ, ни извѣстій отъ дорогихъ сердцу. А тутъ еще тревожные слухи все росли и росли. Увѣряли, что на выручку бастующихъ идетъ цѣлая дружина съ подмосковныхъ фабрикъ. Александровское и Алексѣевское училища были объявлены на военномъ положеніи, юнкерамъ роздано по 50 патроновъ; кругомъ училища стояли солдаты и весь старшій курсъ ходилъ въ наружный караулъ. Вся эта молодежь волновалась и жаждала выказать себя.

Къ празднику Рождества Наташа, отчаявшись дожидаться сына, думала, что хоть Андрей Александровичъ пріѣдетъ съ своимъ поѣздомъ и они вмѣстѣ встрѣтятъ праздникъ. Думалось ей это и вѣстями объ Колѣ побалуешь онъ ее. Но въ канунъ Рождества къ ней явился человекъ съ письмомъ отъ Андрея Александровича: Андрей Александровичъ извѣщалъ, что вернулся изъ

Манчжурія, стоитъ съ поѣздомъ въ 5 верстахъ отъ Москвы, но что забастовщики не пускаютъ ихъ въ Москву. Такимъ образомъ простоялъ онъ болѣе недѣли. Страшно вспомнить, какой произволъ царилъ въ эти памятные дни въ стѣнахъ Бѣлокаменной!

Къ новому году всѣ вздохнули свободнѣе. Жизнь начала входить въ обычную колею. Почта и телеграфъ заработали. Поверхность житейскаго моря стала успокаиваться. Въ глубинѣ же не переставало бурлить и кипѣть. Измученная Наташа стала понемногу получать письма съ Востока. Коля писалъ, что имъ всѣмъ разрѣшено вернуться въ свои полки.

Вотъ письмо уже изъ тыла арміи, изъ Харбина, изъ Читы... Вотъ переѣхали Байкаль, Иркутскъ, Омскъ... Вотъ переѣхали Уралъ! Все ближе, ближе! Духъ захватываетъ у Наташи. И вдругъ, она сама заболѣетъ, умретъ, не дождется его! Ея умъ мутится, нервы напряжены до послѣдней степени...

Вотъ и телеграмма: „пріѣду завтра почтовымъ“. Наташа распечатала, прочла и—зарыдала...

20 февраля! Сегодня, сегодня вечеромъ я его увижу! Да правда ли это? И она готова говорить, кричать объ этомъ всему свѣту. Она перечитывала телеграмму, она не вѣритъ своимъ глазамъ. Сегодня будетъ здѣсь, около нея, она увидитъ его, услышитъ его голосъ, будетъ его цѣловать, ласкать...

Поѣздъ приходитъ въ восемь вечера. Съ семи часовъ Наташа уже на вокзалѣ. Она даже не можетъ опредѣлить, что она чувствуетъ. И радостно, и страшно. И въ головѣ стучить, и сердце бьется такъ, что мѣшаетъ дышать.

Народу на вокзалѣ много. Среди публики Наташа встрѣчаетъ М. Петрову, тоже мать, которая ждетъ сына. Онъ товарищъ Коли, однополчанинъ и его также зовутъ Колей.

Товарки по несчастью, онѣ за этотъ годъ часто видѣлись, часто горевали и плакали вмѣстѣ. Наташа цѣлуетъ ее.

— Дождались! шепчетъ она.

— Да, дождалась! отвѣчаетъ та. Обѣ хотятъ улыбнуться, но ничего не выходитъ; улыбка кривитъ ротъ, и слезы застилаютъ глаза.

Но вотъ по вокзалу проносится гулъ: поѣздъ опаздываетъ на полтора часа.

Господи, Боже мой! что случилось? Не несчастье ли какое-нибудь! Вѣдь случается иногда такъ—въ послѣднюю минуту.

И Наташа вспоминаетъ, какъ среди зимы въ своемъ санитарномъ поѣздѣ Андрей Александровичъ въ числѣ раненыхъ привезъ одного молодого казака. Рана была опасная; онъ долгое время былъ при смерти; но его выносили на поѣздѣ, и онъ, почти оправившійся, доѣхалъ до Москвы, чтобы на другой день ѣхать въ Тверь, къ матери. Но вечеромъ того же дня онъ былъ убитъ на Тверской, около кофейни Филиппова какимъ-то разнузданнымъ пролетаріемъ, который во имя свободы и равенства безумно уничтожалъ все попадающееся на его пути. А мать такъ и не дождалась его; а можетъ быть, потерявъ рассудокъ отъ этого ужаса, ждетъ его и по сю пору, если могила не успокоила ее! Все это съ быстротой молніи пронесется въ головѣ Наташи, и сердце замираетъ до боли.

Сидя другъ передъ другомъ около какого-то столика въ углу залы, онѣ положили передъ собою часы и поочередно смотрѣли на нихъ. Господи, какъ медленно двигается стрѣлка! Остается еще цѣлыхъ полчаса, пятнадцать минутъ, десять!..

— Поѣздъ ужъ подошелъ! Кричитъ кто-то.

Петрова и Наташа рванулись обѣ къ выходу.

— Я не могу идти! шепчетъ Наташа, у меня... ноги.

Кто-то беретъ ее подъ руку и выводитъ на платформу. Подошедшій и остановившійся паровозъ пыхтитъ и посылаетъ клубы густого пара въ морозный воздухъ. Близорукими, ничего въ эту минуту невидящими глазами, Наташа жадно глядитъ на шумящую, снующую толпу. Гдѣ, гдѣ онъ?.. Господи, почему она ничего не видитъ!.. Но вотъ передъ ней вырастаетъ высокая фигура въ нагольномъ тулущѣ и въ фуражкѣ N-скаго полка...

Онъ быстро бѣжитъ къ ней...

— Мамочка, дорогая!

— Родной мой!

И она рыдающая лежитъ у него на груди...

Руки судорожно обхватываютъ и обнимаютъ его шею.

— Ну, мамочка, ну, дорогая! О чемъ? Вѣдь я тутъ съ тобою!

Она подымаетъ свое лицо къ нему, улыбается сквозь слезы...

Она видитъ его глаза, ея рай, ея небо...

— О мой Колюшка, да неужели это правда!..

Спокойно и тихо потекла ихъ жизнь въ этотъ періодъ. Андрей Александровичъ къ лѣту тоже вернулся домой и по-

далъ въ отставку, а потомъ ему предложили подходящее мѣсто на частной службѣ въ Петербургѣ, и вскорѣ переселился туда. Наталья Николаевна осталась въ Москвѣ съ Колей. Онъ не хотѣлъ бросать своего полка, въ который онъ опять былъ переведенъ, и мать и сынъ поселились вдвоемъ недалеко отъ центра города. Посѣщали вмѣстѣ театры, концерты, выставки. Наташа порвала почти со всѣми знакомыми и родными и жила жизнью сына. Бывали у нихъ только товарищи и знакомые Коли. Наташа была рада, что ей не приходилось принимать и отдавать визиты; о туалетѣ думать особенно тоже не было нужно такъ что она была совершенно счастлива и довольна своей скромной жизнью.

Коля весь предался живописи, бралъ уроки у профессора-художника и, въ свободное отъ службы время, не отходилъ отъ своего мольберта. Всѣ стѣны ихъ квартиры были увѣшаны его картинами.

Сколько незабываемыхъ, дивныхъ вечеровъ провели они вдвоемъ. Она обыкновенно работала, а онъ или читалъ ей вслухъ, или дѣлился впечатлѣніями, вынесенными съ послѣдняго концерта, выставки; или спорили и судили вмѣстѣ о какой-нибудь театральной новинкѣ. Ей было такъ пріятно сознавать, что она необходима ему; сохранить здоровыми и добрыми его душу и тѣло—вотъ въ чемъ была вся забота, вся цѣль существованія. Такъ прошелъ цѣлый годъ.—И вотъ новая бѣда стряслась надъ ними!

Въ лагеряхъ, въ холодномъ баракѣ, въ сырое, дождливое лѣто, послѣ утомительныхъ маневровъ, Коля заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Наташа въ это время какъ нарочно уѣхала въ Константинополь къ своей младшей сестрѣ, мужъ которой служилъ въ посольствѣ.

Хотя ей страшно грустно было разставаться съ Колей, но онъ и самъ уговорилъ ее проѣхать, да и соблазнъ былъ великъ: повидать Константинополь, пожить въ Буюкъ-Дере на берегахъ Босфора. Она поѣхала, но не прошло и трехъ недѣль, какъ Андрей Александровичъ вызвалъ ее телеграммой къ больному сыну. Наташа прямо не помнитъ, какъ она летѣла домой; вернуться она могла лишь на пятые сутки, а мало-ли что могло случиться за это время! Она знала, какая эта страшная болѣзнь; она боялась не застать его уже въ живыхъ. Самыя мрачныя картины рисовались ей во время этого долгаго обратнаго путешествія. Минуты, полныя отчаянія, смѣнялись проблесками надежды.

„Нѣтъ, нѣтъ! думалось ей, не можетъ этого быть! Вѣдь Господь только-что вернулъ мнѣ его изъ этого ада цѣлымъ и невредимымъ. Зачѣмъ же, за что же онъ вдругъ погибнетъ теперь... Нужно только вѣрить въ Его милосердіе... Вѣрую вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію“!

Коля лежалъ въ госпиталѣ на Ходынкѣ. Тифъ былъ тяжелый, и одно время положеніе больного было очень опаснымъ. Шесть недѣль не отходила Наташа отъ его постели. Шесть недѣль ея душа была—одна молитва.

— „Господь мой! Сдѣлай чудо, сдѣлай, молю тебя! Если нужно, чтобы кто-нибудь пострадалъ, возьми меня! Но его, его спаси! Онъ такъ молодъ еще, онъ и жизни еще не видалъ. Господь Милосердный, спаси и помилуй“...

И чудо совершилось. Коля былъ спасенъ. Господь вернулъ матери сына.

Поправлялся онъ медленно и такъ какъ наступала осень, холода, то докторъ приказалъ ѣхать на югъ или за границу.

Какъ счастлива была Наташа, что въ данную минуту имѣла возможность исполнить это.

Рѣшено было ѣхать въ Италію. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ путешествію. Составляли маршрутъ, шили и заказывали подходящіе костюмы, выхлопывали заграничные паспорта, совѣщались о томъ, какія вещи брать. Ихъ предупредили, что во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, багажъ долженъ быть очень небольшой. Но вотъ наконецъ все готово, и Наташа съ Колей ѣдутъ впервые „за границу“. Наташа счастлива не менѣе сына. Вѣдь это всегда было ея тайнымъ желаніемъ, казавшимся ей неисполнимымъ.

Это путешествіе, эта фантастическая сказка! Сколько пріятныхъ воспоминаній будить оно въ ней! Вдвоемъ со своимъ ненагляднымъ ѣдетъ она въ эту зачарованную страну, въ эту Италію, о которой она никогда и мечтать не смѣла.

Вотъ миновали Варшаву, нарядную Вѣну съ ея Пратеромъ и соборомъ Св. Стефана и летятъ на югъ къ солнцу, къ теплу. Красивый Земмерингъ, Тироль мелькаютъ передъ ними. Поздно ночью подъѣзжаютъ они къ Венеціи. Прямо изъ вагона садятся въ гондолу и плывутъ узкими темными каналами. Городъ спитъ, и слышенъ только плескъ воды и окрики красиваго, черномазаго гондольера. Наташѣ и жутко, и радостно. Ихъ подвозятъ къ какой-то темной гостиницѣ. Отводятъ номеръ. Большая неуютная комната съ неуклюжей, старинной мебелью. Коля рѣ-

шаетъ, что въ ней непременно жили Отелло и Дездемона. Но они такъ устали, что заваливаются спать. На другое утро, проснувшись, подбѣгаютъ къ окошку и замираютъ отъ восторга и удивленія. Передъ ихъ глазами площадь Св. Марка, вдали лазурь Адриатическаго моря, налѣво соборъ, паллацо Дожей направо аркады зданій. Наскоро напившись кофе, они сбѣгаютъ внизъ на площадь. Вся она—мозаичный коверъ. Вотъ традиціонные голуби. Они кормятъ, ласкаютъ ихъ. Идутъ въ соборъ, гдѣ Коля дѣлаетъ нѣсколько набросковъ въ своемъ маленькомъ этюдномъ альбомѣ. Осматриваютъ Дворецъ Дожей, Вотъ залъ Большого Совѣта. Трагическая тѣнь Марино Фальери встаетъ передъ ними. Вотъ темницы, мрачныя подземелья, мостъ Вздоховъ... Они берутъ гондолу и ѣдутъ на Лидо...

Это ихъ первый этапъ. Дальше идетъ Флоренція съ ея дивными садами Боболи, гдѣ такъ пріятно гулять среди зелени миртовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ и странно думать и сознавать, что въ Россіи стоятъ теперь Рождественскіе морозы, заливается вьюга и все засыпано бѣлымъ саваномъ. Для художника Флоренція—кладъ. Стоя на Piazza di signoria, вы окружены памятниками старины и искусства. Лоджія Ланци, наполненная статуями работы Бенвенуто Челлини и другихъ знаменитыхъ скульпторовъ, среди площади Козьма Медичи на своемъ бронзовомъ конѣ, оригинальный массивъ Palazzo Vecchio, мѣстопробываніе флорентійскихъ дуковъ... Все производитъ невыразимое впечатлѣніе.—Въ одинъ изъ вечеровъ передъ заходомъ солнца они ѣдутъ за городъ на площадь Микель-Анджело. Посреди стоитъ его знаменитый Давидъ, а съ террасы открывается дивный видъ на всю Флоренцію...

Цѣлый мѣсяцъ отдыхаютъ они въ Неаполѣ. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, начиная въ знаменитаго Акваріума на Villa Nazionale и кончая замкомъ St. Elma, вѣнчающимъ городъ, совершивъ экскурсію въ Помпею и Геркуланумъ, побывавъ въ Кастелламаре, Позилиппо и на Капри, они поселяются въ Поцуали, небольшомъ мѣстечкѣ, отстоящемъ въ десяти километрахъ отъ города. Большая, свѣтлая комната въ домѣ, фундаментъ котораго уходитъ въ море. Волны все время бьютъ въ стѣны, а когда непогода и море бурно, то дохлестываютъ и до ихъ балкона, который во второмъ этажѣ. Коля много гуляетъ по окрестностямъ, много рисуетъ; вѣдь на каждомъ шагу, на каждомъ поворотѣ сюжетъ для картины. Среди января, какъ-то ночью разражается небывалая гроза. Удары грома, непрерывная молнія, ревъ бушующаго моря, все

это вмѣстѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе. И море, и небо совершенно черныя, и только влѣво по направленію Везувія видно зарево. Безпокойный великанъ все время напоминаетъ о себѣ.—Съ облегченной душой привѣтствуетъ Наташа разсвѣтъ и первые лучи солнца, освѣщающіе волнующееся, все бѣлое отъ пѣны, море и красные паруса большихъ рыбацкихъ лодокъ, возвращающихся въ портъ.

А вотъ и Римъ! Вѣчный городъ! Это не Европейскій, не Италіанскій, а міровой городъ. Наташа чувствуетъ себя здѣсь, какъ на родинѣ, на родинѣ ея души; ей хотѣлось бы жить и умереть здѣсь. Древній Римъ въ особенности близокъ ея сердцу. Римъ царей, республики и императоровъ. Все здѣсь интересно; все говоритъ сердцу и уму. Палатинскій холмъ, Колизей, Пантеонъ, замокъ св. Ангела, Базилика св. Петра, построенная на мѣстѣ древняго цирка Нерона, мѣсто страданія и смерти св. апостола, Капитолій съ его большой отлогой лѣстницей и статуей Марка-Аврелія. Справа, въ окружающей ее зелени, виднѣется желѣзная клѣтка, въ которой на пространствѣ трехъ—четырехъ квадратныхъ аршинъ угрюмо и равномерно шагаетъ традиціонная волчица и жадно скалитъ зубы на проходящихъ.

Римскій Форумъ! Памятникъ или вѣрнѣе сказать собраніе памятниковъ древняго Рима! Тѣнь Юлія Цезаря проносится въ воображеніи.

Вотъ роstra, съ которой онъ можетъ быть говорилъ со своимъ народомъ и будилъ въ немъ любовь и жажду славы и власти; а вотъ остатки помоста, гдѣ по преданію лежало его бездыханное тѣло, и Маркъ-Антоній, стоя надъ нимъ, произносилъ свою знаменитую рѣчь.

Сколько дивныхъ вечеровъ проводятъ они на Monte Pincio. Здѣсь были когда-то сады Лукулла; а теперь сквозь роскошную, почти тропическую листву, мелькаютъ тамъ и сямъ красныя рясы и такія же шапочки! А какой чудный видъ отсюда на весь Римъ! Осмотрѣвъ все въ городѣ, они ѣдутъ по старой Аппіевой дорогѣ въ катакомбы св. Каликста. Худой монахъ съ изможденнымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ, подпоясанный бичевкой, даетъ имъ въ руки маленькія зажженные восковыя свѣчи, и они спускаются въ этотъ подземный лабиринтъ.

Темнота, спертый воздухъ. Здѣсь по этимъ узкимъ длиннымъ коридорамъ ходили первые христіане, здѣсь въ глубокихъ

нишахъ на гробницахъ первыхъ мучениковъ и на каменныхъ алтаряхъ совершали они первое христіанское богослуженіе, здѣсь скрывались они отъ своихъ гонителей. Съ какимъ чувствомъ страха и благоговѣнія слѣдуетъ Наташа за проводникомъ, слѣшая его объясненія и какъ облегченно вздыхаетъ, когда онъ наконецъ выводитъ ихъ изъ этого мрака и она снова видитъ лазурное небо и сіяющее солнце.

И здѣсь же, на этой дорогѣ стоитъ маленькая часовня, среди которой возвышается мраморное изваяніе Спасителя съ крестомъ. Стоитъ она по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ Самъ явился апостолу Петру, который, увидавъ своего Божественнаго Учителя, со страхомъ и радостью бросился передъ Нимъ на колѣни, говоря: „*Quo vadis, Domine?*“ О, съ какимъ благоговѣніемъ припадаетъ и Наташа къ этому небольшому пространству земли, которое виднѣется здѣсь же между бѣлыми мраморными плитами, земля, къ которой прикоснулись стопы Спасителя Мира и Его св. апостола!

Конца нѣтъ воспоминаніямъ о Римѣ! Ими можно было бы наполнить цѣлую книгу. Пребываніе въ немъ глубоко запечатлѣлось и въ умѣ и въ сердцѣ Наташи.

Красивой вереницей [мелькаютъ дальше Миланъ съ его бѣлымъ, кружевнымъ соборомъ, Генуя съ знаменитымъ *Santo-Santo*, кладбище, гдѣ каждый памятникъ красота и очарованіе.

Потомъ вся Итальянская Ривьера, поражающая разнообразіемъ красокъ и видовъ. А тамъ дальше двигаются на сѣверъ, объѣзжаютъ всѣ озера. Лаго-Маджіоре, Лугано, Комо—все это одна волшебная, красивая панорама.

И глаза, и память съ жадностью [воспринимаютъ всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія, чтобы потомъ воспоминанія о нихъ служили радостью и утѣшеніемъ—и уму, и сердцу.

И вотъ они снова у себя въ Москвѣ, въ своей маленькой квартиркѣ. Наташа отдыхаетъ.

Послѣ столькихъ впечатлѣній она рада, что можетъ, спокойно сидя дома, разобраться въ нихъ. Они вернулись къ Пасхѣ. Коля ѣздитъ по знакомымъ, дѣлаетъ визиты; иногда тащить и мать съ собою.

Наташа присматривается къ молодымъ дѣвушкамъ. Странное

чувство у нея къ нимъ! Она въ каждой видитъ врага; и хотя Коля ни за кѣмъ особенно и не ухаживаетъ, но мысль у нея одна: которая изъ нихъ отниметъ его у нея? И неуловимое чувство враждебности проглядываетъ у нея невольно къ каждой изъ нихъ.

Семья N—очень любезна и внимательна и къ ней, и къ Колѣ. Тамъ двѣ молодыхъ дѣвушки; и этого достаточно, чтобы Наташа относилась къ нимъ съ затаенной подозрительностью. А между тѣмъ дѣвушки милыя, хорошія, образованныя; съ ней ласковы, привѣтливы. На желаніе Коли узнать ея мнѣніе о нихъ, она можетъ отвѣтить только похвалой. Вторая изъ нихъ, повидимому, нравится ему.

Наташа старается анализировать себя. Что это? Ревность, зависть?.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. И какъ глупы тѣ, которые утверждаютъ это! Не ревность же, нѣтъ. Это какое-то другое, необъяснимое, непобѣдимое, гнетущее чувство! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Коля уѣхалъ погостить къ нимъ въ Финляндію. Обѣщавшись пробыть недѣли двѣ—три, не больше. И вотъ, когда она его такъ ждала, такъ мечтала о томъ, что онъ опять вернется къ ней, будетъ жить около нея, и вдругъ эта телеграмма!..

Все рухнуло, все исчезло!—И эта жизнь вдвоемъ изо дня въ день, возможность его видѣть постоянно, знать всѣ его мысли, оберегать его отъ всего дурного, предупреждать всякую опасность, чувствовать, какъ она необходима ему—и вотъ всего этого больше не будетъ. Онъ уйдетъ отъ нея. Отдастъ свое сердце, свою любовь, свои заботы той, чужой. А она, та чужая, какъ она отплатитъ ему за это? Будетъ ли его цѣнить, будетъ ли любить такъ же безгранично, какъ любить его *она*? И какъ подумаешь, что то, что теперь она дѣлаетъ для него—то же самое *онъ* будетъ дѣлать для той, другой: такъ же будетъ лелѣять, такъ же беречь и баловать. Получитъ ли онъ за это награду? Отплатятъ ли ему тѣмъ же? Или съ полнымъ равнодушіемъ и эгоизмомъ будутъ принимать всѣ эти проявленія, какъ должное? Теперь вотъ она, мать, смотритъ ему въ глаза, старается отгадать малѣйшее желаніе, готова на всякій подвигъ для него, ради него, изъ любви къ нему! А тамъ въ будущемъ такъ поступать будетъ *онъ*, будетъ готовъ на всѣ жертвы и подвиги; и дѣлать будетъ онъ это, потому что *будетъ тоже любить ту, другую!*..

И вотъ ей стало вдругъ все понятно и ясно. Вся истина открылась передъ ней!

Вѣдь Коля такой же человекъ, какъ и она; ему присуще,

значить, все человѣческое. Она жила, любила и страдала. Безъ страданья нѣтъ любви, нѣтъ жизни. Любовь—это и есть то страданіе, котораго мы въ жизни не можемъ избѣгнуть. *Любить—это значитъ ежеминутно рисковать быть раненой въ самыхъ тайникахъ нашего сердца и души.* Мы должны пройти черезъ это, и ничто, и никто не можетъ насъ отъ этого уберечь и спасти. Это неизбежно! Ея Коля начинаетъ жить, новые горизонты открываются передъ нимъ и, онъ пройдетъ, долженъ будетъ пройти черезъ все это.

А ея жизнь—кончена! Она не смѣетъ, не имѣетъ нравственнаго права требовать или желать что-нибудь лично для себя. Она уйдетъ съ жизненнаго пути, покорно и со смиреніемъ говоря: „Нынѣ, Господи, отпускаешь рабу твою“!..

М. С.

